

УДК 72.036 (47+57) (571.1)

*ХИЦЕНКО ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, канд. архитектуры, доцент,
hic_evg@mail.ru*

*Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств,
630099, г. Новосибирск, Красный пр., 38*

ИДЕИ ГОРОДА-САДА В РЕШЕНИИ ЖИЛИЩНОГО КРИЗИСА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1920-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКА)

В статье рассматриваются градостроительные проблемы городов Западной Сибири первых послереволюционных лет. Выявляются причины и последствия острой нехватки жилья и мероприятия, направленные на решение этих проблем. Анализируются типы и виды жилых построек, преобладавших в западносибирских городах. Исследуются актуальные задачи развития Новосибирска, направленные на разрешение жилищного кризиса, улучшение культурного состояния города. Приводятся предпосылки создания первого генерального плана Новосибирска. Подробно анализируется схема планировочного решения Новосибирска, созданная на основе идей города-сада. Рассматриваются достоинства и недостатки таких идей с точки зрения формирования жилой среды. Выявляются реализованные моменты предложенной концепции.

Ключевые слова: город-сад; жилая застройка 1920-х гг.; история архитектуры Западной Сибири.

EUGENIY V. KHITSENKO, PhD, A/Professor,

hic_evg@mail.ru

*Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts,
38, Krasnyi Ave., Novosibirsk, 630099, Russia*

GARDEN CITY CONCEPT IN TERMS OF HOUSING IN CRISIS WEST SIBERIA IN THE 1920s (NOVOSIBIRSK CASE STUDIES)

The paper focuses on the urban problems of the Novosibirsk region cities in the post-revolutionary years. The analysis of the types of residential buildings is presented herein. The investigated relevant problems of Novosibirsk development are aimed at removing the crisis ramifications and improving the cultural status of the city. The analysis is given for the concept of Novosibirsk planning based on the garden city concept.

Keywords: garden city; housing development; architectural history of West Siberia.

В настоящее время есть ряд исследований, посвященных проектам городов-садов для Западной Сибири [1, 2]. Особенностью настоящей работы является анализ влияния жилищного кризиса крупных городов региона 1920-х гг. и градостроительных задач Новосибирска на планировочные особенности проектируемого для него города-сада.

Острый жилищный кризис, наступивший после Гражданской войны, привел к неорганизованности и беспорядку жилой застройки сибирских городов, рост которых происходил главным образом за счет индивидуальных застройщиков. Так, в Новониколаевск (название Новосибирска до 1926 г. – *Е.Х.*)

из ближайших деревень перевозились и сплавлялись срубы, из которых возводились «хибарки на лучших участках города». Стараясь ослабить жилищный кризис, отдел коммунального хозяйства вынужден был сдавать в аренду земельные участки в центральной части города под застройку многоквартирными деревянными домами. Лишь в конце 1924 г. власти города запретили на основных улицах Центрального и Вокзального районов строительство «мелких» домов, разрешив возведение там только больших каменных зданий. Каменное жилстроительство должно было осуществляться по Красному проспекту, улицам Кузнецкой (Ленина), Серебренниковской, Советской, Михайловской (Ленина) и в примыкающих к ним кварталах [3].

Бурный рост Новониколаевска как крупного административно-торгового центра Сибири, отсутствие «дешевых средств массового сообщения» (трамваи, автобусы), низкое благоустройство окраинных кварталов послужили повышению ценности районов, приближенных к центру. «Слабая застроенность» усадебных участков предоставила их собственникам возможность сдавать часть своих территорий новым застройщикам. В результате «земельных спекуляций» происходило «засорение» участков домов мелкими строениями различного назначения. Такого рода торговые операции с землей имели негативный аспект как в социальном (ухудшение экологического состояния жилой застройки, уменьшение дворовых пространств и т. д.), так и в экономическом плане (недополучение муниципалитетом земельной ренты). Для предотвращения «земельных спекуляций» предлагались следующие меры: уравнивание рентных ставок для незастроенных и застроенных участков; установление (для частного строительства) площади земельного участка, необходимой для строительства только одного дома; запрещение строить на одном участке более одного жилого дома; разрешение землепользования в форме «совладения» при условии владения собственниками общим жилым домом и общим (неразделенным) участком; запрещение сдачи участка под застройку при отсутствии гарантии о своевременном выполнении строительства; запрещение торговых операций с отдельными постройками на участке (разрешение покупки-продажи только всех строений); утверждение окружным инженером нового строительства и капремонта только при предъявлении договоров на застройку [4].

Похожая ситуация наблюдалась и в других городах региона. В Омске в связи со строительством в 1925 г. заводов увеличился наплыв сельского населения. Рабочие, прибывшие из деревень, не имели возможности строить рубленые дома, и поэтому в городе появилось множество суррогатных построек. В 1926 г. городской совет Омска разрешил строительство частных домов с земляными насыпными стенами; общее количество построенного в городе в том году низкокачественного жилья достигло нескольких тысяч квадратных метров [5]. Сельский тип жилищ был преобладающим и для Барнаула. Льготы, предоставляемые частным лицам для строительства жилья, привели к тому, что к концу 1920-х гг. малоценная жилая застройка, не имевшая элементарных санитарно-бытовых удобств и представляющая пожарную опасность, составляла более 90 % от всего жилого фонда города.

С развитием НЭПа многие торговые организации, правления различных трестов и синдикатов нуждались в большом количестве помещений для раз-

мещения всевозможных представительств центрального и областного подчинения, имевших хозяйственно-промышленный характер. Поскольку общественных помещений на всех не хватало, коммерческие организации вынуждены были занимать как отдельные квартиры, так и целые дома, устраивая в них свои конторы и обостряя тем самым жилищную проблему. Активизация хозяйственной деятельности и увеличение товарооборота послужили стремлением для многих предприятий обеспечить своих сотрудников жилой площадью. Однако такое «отдельное» строительство не могло полностью решить жилищную проблему и тем более «вопроса об общем благоустройстве города, приведении его в культурный и гигиенический вид» [3].

Для решения этих «непростых» вопросов потребовалось создать мощную строительную организацию, объединявшую не только крупные финансовые средства граждан, но и специалистов различного профиля – архитекторов, художников, инженеров, а также строительные мастерские и заводы. Эти функции были возложены на основанное в 1924 г. «Сибирское строительное паевое товарищество» – «Сибстройпай». Как отмечалось в одном из докладов правления этой организации: «Если НЭП в развитии жилищного кризиса Новониколаевска сыграл роль уплотнителя, то этот же НЭП открывает значительные перспективы к изжитию этого кризиса в дальнейшем» [Там же].

Задача по выходу из сложившейся ситуации заключалась не только в сооружении отдельных зданий по заказу предприятий, но и «в теоретической разработке строительного вопроса, направленной в сторону выработки наиболее удовлетворяющих гигиеническим и культурным требованиям типов жилищ, в переработке самого плана города, нуждающегося в том, чтобы в него были введены лучевые магистрали, так как прямоугольная разбивка кварталов в связи с развивающимся движением по улицам города уже устарела» [Там же].

В начале 1925 г. власти города приняли решение составить генеральный план Новониколаевска с расчетом на двадцать пять лет. Комиссия, созданная для составления задания на проектирование, включала представителей разных учреждений. Однако собранные ими исходные данные носили условный характер и не были основаны на социологических исследованиях и экономических расчетах. Специалисты отмечали рост вдоль рек, оврагов и линии железной дороги беспорядочной жилой застройки, «лишенной руководящей мысли, продуманного цельного плана», создающей «серьезную угрозу санитарно-гигиеническим, эстетическим и экономическим интересам молодой столицы Сибири». Архитекторы и инженеры были заинтересованы в реализации градостроительной концепции, основанной на включении в пейзаж города «монументальных кварталов, декоративных площадей, перспектив улиц, парков, набережных, бульваров». Красивая архитектурная идея, по их мнению, создаст хорошие условия для культурного развития города и привлечет капитал, что, безусловно, «будет полезно в экономическом отношении» [Там же].

В конце 1925 г. на рассмотрение во Всероссийскую ассоциацию инженеров был представлен эскизный проект перепланировки Новониколаевска, разработанный инженером И. Загривко. Автор наложил на существующую ортогональную сетку кварталов радиально-кольцевую систему магистралей, центром которой являлась Ярмарочная (Ленина) площадь, ставшая (как

и предполагалось по проекту) общественно-административным центром города. Правобережная часть Новониколаевска представляла собой полукруг с четырьмя пересекающимися в центре города радиальными магистралями, одна пара которых включала Красный проспект и перпендикулярную ему улицу Ленина. Вторая пара, повернутая на 45° относительно первой, состояла из двух других перпендикулярных магистральных улиц, одна из которых – «главная улица» – проходила по всему правому берегу вдоль линии железной дороги и реки, соединив примыкающие к Оби городские районы. «Главная улица» напрямую связала центр города с центром Закаменского района; эту функцию в дальнейшем стала выполнять ось Октябрьская магистраль – улица Кирова. Северо-западный конец улицы замыкался рекреационной зоной (санатории, дома отдыха), а юго-восточный – проходил к будущему жилому району на Ключ-Камышенском плато. Радиальная магистраль, перпендикулярная «главной улице», пересекала в северо-восточном направлении Центральный и Вокзальный районы, а в юго-западном – реку Обь и левый берег (рис. 1).

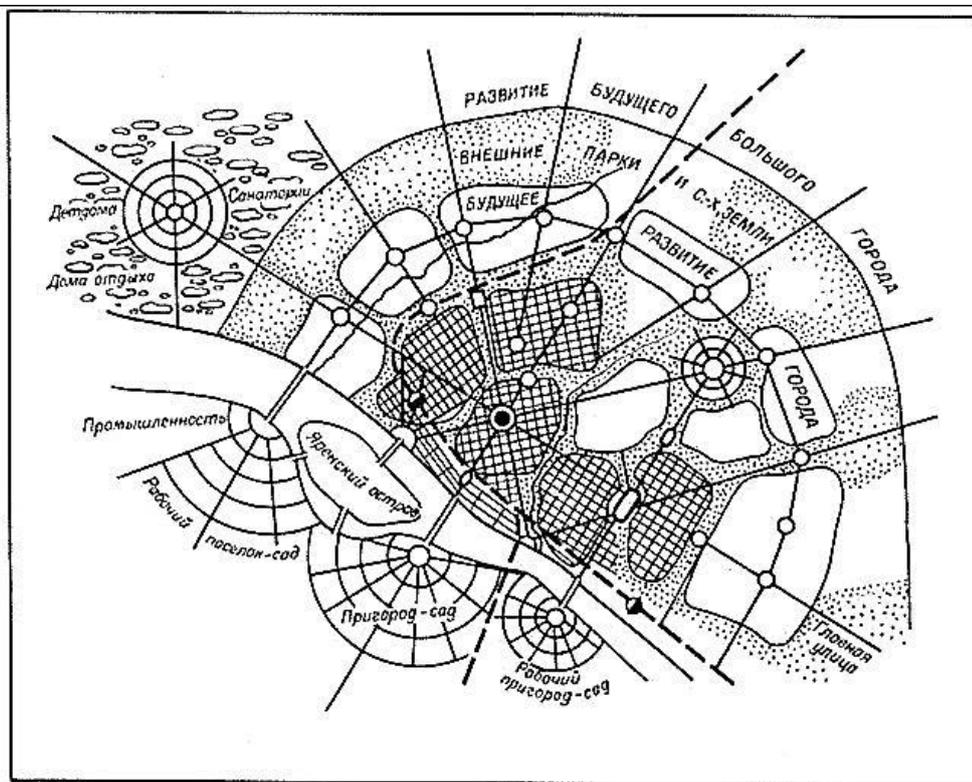

Рис. 1. Схема перепланировки Новониколаевска-Новосибирска. Инж. И.И. Загривко, 1925 г. (МИАС им. С.Н. Баландина. ФН. Оп. 5. Л. 2. Ф. 2)

Правобережная часть города окружалась по проекту полукольцом резервных территорий, за которым предполагался «зеленый» пояс с «внешними парками» и «сельскохозяйственными землями». Озеленение и парки преду-

сматривались и внутри города: по улицам, в жилых кварталах, а также вдоль р. Оби, где должна была устраиваться набережная с бульваром. Левый берег отводился под промышленный район города и состоял из трех «селитебных образований»: «рабочий поселок-сад», «пригород-сад» и «рабочий пригород-сад», каждый из которых имел радиально-кольцевую структуру плана и связывался с правым берегом посредством моста.

Конфигурацией и принципами функционального зонирования план И. Загравко напоминал полукруглый фрагмент концептуальной схемы города-сада, разработанной английским экономистом Э. Говардом (рис. 2). Теория города-сада получила широкое распространение в мире в первом десятилетии XX в. и стала одной из центральных тем в архитектурной печати. По словам В. Ружже, «содержанием движения за города-сады в России» явились «идеи о необходимости планомерного роста городов и поселков, их благоустройства, ослабления жилищного кризиса в крупных центрах, строительства поселков на железных дорогах и т. п.» [6].

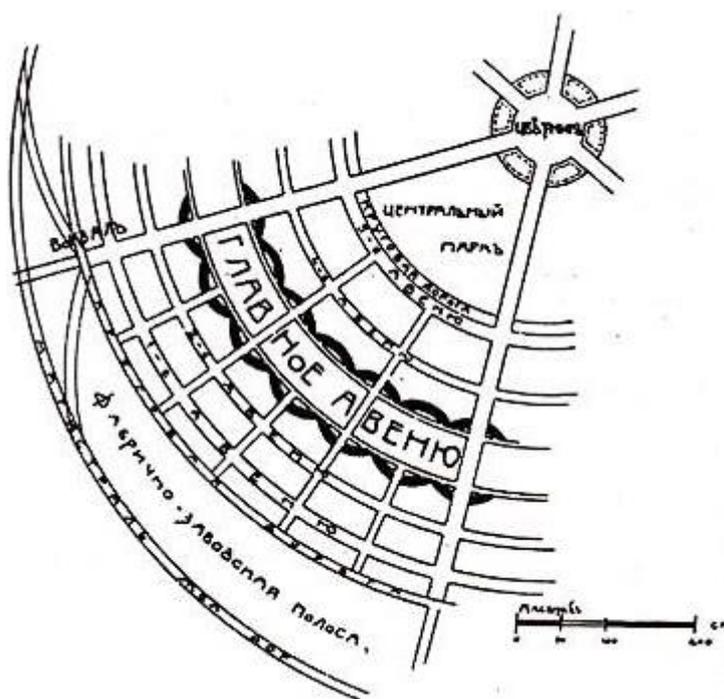

Рис. 2. Схема города-сада Э. Говарда, 1898 г. (<http://sibac.info/studconf/social/xxxi/41768>)

Большое влияние на послереволюционное развитие идей города-сада оказала первая градостроительная дискуссия, состоявшаяся в Москве в 1922–1923 гг. Организаторы этой дискуссии – члены воссозданного в 1922 г. «Общества городов-садов» помимо обсуждения вопросов экологического характера (благоустройства и санации территории населенных мест) большое внимание уделили социальноэкономическим вопросам формирования жилой застройки новых поселе-

ний. Сторонники городов-садов считали, что такие поселения сочетают преимущества городской и сельской жизни, и в качестве лучшего типа жилья признавали «небольшой дом особнякового типа», в котором «жить приятнее, здоровее и удобнее» [7]. Противники усадебной застройки состояли не только из специалистов различного профиля, но также из самих же рабочих, для которых этот тип жилья и предполагался. Профсоюз строительных рабочих считал, что дома с «мелким индивидуальным хозяйством» будут противоречить идеям коммунизма, прививать мелкобуржуазную идеологию и затормозят «процесс социалистического развития страны» [8]. Однако, несмотря на критику, в Советской России идеи города-сада получили огромную популярность, превратившись в проектах послереволюционного периода, по словам О. Яницкого, в «новые города нового общества» [9]. В 1928 г. в докладе президиума планировочной комиссии Новосибирска отмечалось, что «при планировке новой жилой части города необходимо остановиться на определенной системе планировки, определяющей тип города. Современным условием развития нашего строительства соответствует тип планировки по идеям города-сада» [10].

Сравнивая разработанный И. Загривко план Новониколаевска с говардской концепцией, можно выделить ряд совпадений и различий. Кругообразная форма генплана; размеры селитебных образований левого берега с площадями территорий, примерно равными городу-саду Э. Говарда (240 га); наличие парков, площадок для игр; кольцевая магистраль и зеленый пояс – основные черты внешнего сходства обоих планов. Принципиальное различие градостроительных идей заключалось в самом типе поселения. План И. Загривко представлял собой иерархическую структуру, состоявшую из «большого города» (во много раз превышающего по площади «говардский идеал») и его «пригородов-садов». Каждый район города имел свой собственный центр, фокусировавший радиальные магистрали. Также отличительными чертами являлись: «внедрение» промышленности в территорию селитьбы, отсутствие в плане «окружной железной дороги» и возможность расширения города, не предусматриваемая у Э. Говарда [3].

Однако комиссия, рассматривавшая проект, одобрила возможности роста Новониколаевска «в любых размерах и при любом наплыве населения», чего нельзя сказать о развитии жилой застройки планируемых районов города, получивших негативную оценку. Ключ-Камышенское плато и Гусинобродский район вследствие сложности ландшафта территорий и отдаленности их от центра многими специалистами считались неперспективными для жилья; левый берег Оби – «степное, ветренное место» – казался «совершенно неприемлемым» для размещения жилых поселений [11].

Схематичный план, предложенный И. Загривко, не был генеральным планом, поскольку мало учитывал социально-экономические факторы развития города, а являлся скорее теоретической концепцией преобразования города, формально напоминающей получившую широкую популярность в 1920-е гг. идею города-сада. Но, несмотря на ряд недочетов, в работе было намечено отразившееся в будущих генпланах функциональное зонирование территории, некоторые моменты которого воплотились в действительности. К частично реализованным предложениям автора относятся: формирование левобережно-

го промышленного узла с жилой застройкой, связанного с правым берегом мостовыми переходами, один из которых был заложен по оси Закаменского района; развитие Ключ-Камышенского и Гусинобродского жилых районов; устройство рекреационной территории на северо-западе города и благоустройство набережных Оби.

Кроме Новосибирска города-сады проектировались и для других сибирских городов: Омска, Томска, Щегловска (Кемерово), Кузнецка (Новокузнецка) и др. Однако в целом планировочные схемы имели формальный характер. Так, разработанный в 1923 г. инженером Назаретовым план Ленинска-Омска представлял из себя город-сад в виде пятиконечной звезды [5].

Исследование показало, что в начале 1920-х гг. основная доля жилой застройки городов Западной Сибири была частной, отличалась низкой плотностью, низким уровнем благоустройства и неорганизованностью. Для решения этих проблем для ряда городов региона были разработаны новые планировки на основе идеи города-сада. Формальность данных планировочных решений, не учитывавших реальные условия, не позволила реализоваться этой идее в полной мере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Залесов, В.Г. Город-сад в Томске / В.Г. Залесов, О.С. Воронина, Т.Б. Кожуркова // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2015. – № 4. – С. 22–35.
2. Духанов, С.С. Влияние местных условий на схемы перепланировок Томска и Новосибирска 1925 г. / С.С. Духанов // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2015. – № 6. – С. 36–44.
3. Кручина, А. Американизация сибирского строительства / А. Кручина // Советская Сибирь. – 1924. – 12 марта.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р.-1993. Оп. 1. Д. 376. Л. 47.
5. Кочедамов, В.И. Омск. Как рос и строился город / В.И. Кочедамов. – Омск, 1960. – С. 60–61.
6. Ружже, В.Л. Прогрессивные творческие воззрения архитекторов петербургской школы конца XIX – начала XX вв. (Идеи «городов-садов») : автореф. дис. ... канд. архитектуры. – М., 1961. – С. 6–7.
7. Семенов, В. О городе-саде / В. Семенов // Коммунальное хозяйство. – 1922. – № 8–9. – С. 7–8.
8. Райх, Я. К вопросу о городах-садах в РСФСР / Я. Райх // Строитель. – 1923. – № 7. – С. 40.
9. Яницкий, О.Н. Экологическая перспектива города / О.Н. Яницкий. – М. : Мысль, 1987. – С. 26.
10. ГАО. Ф. Р.-1993. Оп. 1. Д. 381. Л. 7.
11. Баландин, С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг. / С.Н. Баландин. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – С. 67.

REFERENCES

1. Zalesov V.G., Voronina O.S., Kozhurkova T.B. Gorod-sad v Tomske [Garden city in Tomsk]. *Vestnik of Tomsk State University of Architecture and Building*. 2015. No. 4. Pp. 22–35. (rus)
2. Dukhanov S.S. Vlijanie mestnyh uslovij na shemy pereplanirovok Tomska i Novosibirska 1925 g. [Regional conditions effect on Tomsk and Novosibirsk replanning in 1925]. *Vestnik of Tomsk State University of Architecture and Building*. 2015. No. 6. Pp. 36–44. (rus)
3. Kruchina A. Amerikanizatsiya sibirskogo stroitel'stva [Americanization of Siberian construction]. *Sovetskaya Sibir'*. 1924. March, 12. (rus)

4. *Novosibirsk State Archive*. Form R-1993. List 1. Proc. 376. P. 47. (rus)
5. *Kochedamov V.I.* Omsk. Kak ros i stroilsja gorod [How the city grew and built]. Omsk, 1960. Pp. 60–61. (rus)
6. *Ruzhze V.L.* Progressivnye tvorcheskie vozzreniya arhitektorov peterburgskoj shkoly konca XIX – nachala HH vv. (Idei ‘gorodov-sadov’) [Advanced artistic views of St. Petersburg school architects late in 19th and early 20th centuries (garden city concept). PhD Abstract]. Moscow, 1961. Pp. 6–7. (rus)
7. *Semenov V.* O gorode-sade. [About the garden city]. *Kommunal'noe khozyaistvo*. 1922. No. 8–9. Pp. 7–8. (rus)
8. *Stroitel'* [Builder]. 1923. No.7. P.40. (rus)
9. *Yanitskii O.N.* Ekologicheskaya perspektiva goroda [Environmental outlook of the city]. Moscow: Mysl' Publ., 1987. P. 26. (rus)
10. *Novosibirsk State Archive*. Form R-1993. List 1. Proc. 381. P. 7. (rus)
11. *Balandin S.N.* Novosibirsk. Istorija gradostroitel'stva 1893–1945 gg. [Novosibirsk. History of urban development 1893–1945]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978. P. 67. (rus)